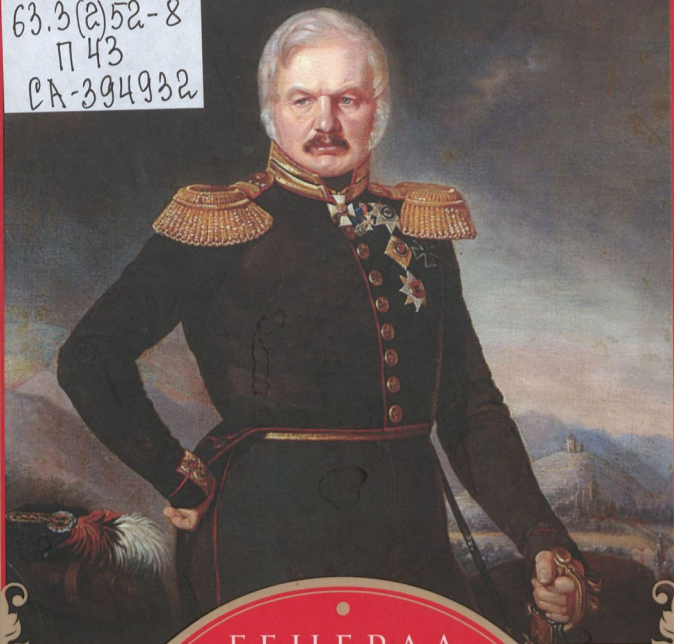

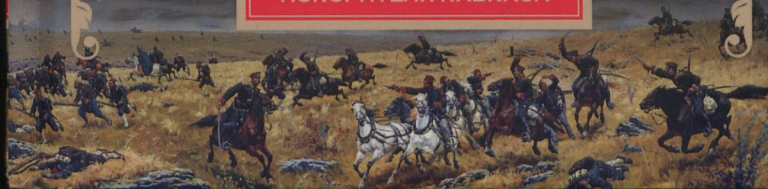
• МИХАИЛ ПОГОДИН •

63.3(2)52-8
П 43
СА-394932

ГЕНЕРАЛ ЕРМОЛОВ

СРАЖЕНИЯ И ПОБЕДЫ ЛЕГЕНДАРНОГО СОЛДАТА
ИМПЕРИИ, ГЕРОЯ ЭЙЛАУ И БОРОДИНА
И БЕЗЖАЛОСТНОГО
ПОКОРИТЕЛЯ КАВКАЗА

МИХАИЛ ПОГОДИН

УДК 352
ББК 68
1143

ГЕНЕРАЛ ЕРМОЛОВ

СРАЖЕНИЯ И ПОБЕДЫ

ЛЕГЕНДАРНОГО СОЛДАТА ИМПЕРИИ,

ГЕРОЯ ЭЙЛАУ И БОРОДИНА

И БЕЗЖАЛОСТНОГО

ПОКОРИТЕЛЯ КАВКАЗА

сд - 394932

Государственное бюджетное
Москва
Универсальное

«Оренбургская областная универсальная
научная библиотека им. Н.К. Крупской»

ПРЕДИСЛОВИЕ

Ермолов, как и современник его Милорадович, с которым он был почти одних лет, отличался необыкновенною храбростью, добротой, простотою и ласковостью в обращении с подчиненными и был таким же кумиром солдат и любимым народным героем, но по уму, способностям и развитию Ермолов стоит неизмеримо выше Милорадовича.

Ермолов, как и Милорадович, был образован очень поверхностно, но и в этом между ними двумя очень большая разница. Милорадовичу были даны все средства к образованию, — мы видели, что он провел юность в заграничных университетах; но он сам не воспользовался этими средствами, да и вообще, как кажется, не особенно сознавал недостаток своего образования; Ермолов же был почти совсем лишен всех средств образовывать себя и всю жизнь тяжело сознавал этот недостаток и тяготился им бесконечно.

Оба героя, и Милорадович и Ермолов, симпатичны каждый по-своему; но Ермолов гораздо глубже и серьезнее. Симпатии, возбуждаемые его характером, гораздо солидней симпатий, порождаемых романтически-рыцарственным Милорадовичем. Алексей Петрович Ермолов особенно привлекателен оригинальностью и глубиною своего ума, широтою своего взгляда и меткостью суждений, указывавших в нем человека совсем не дюжинного — человека, отмеченного самою природою, человека, которого умный Кутузов справедливо называл орлом, а лейб-медик Виллие характеризовал как *homme aux grands moyens*¹.

Служебный путь Ермолова далеко не был усыпан розами, но на нем, наоборот, было набросано много терний. Служебным его не-

¹ Человек с большими возможностями (фр.). (Здесь и далее примеч. авт., кроме особо указанных случаев.)

К.А. Ухтомский. Портрет
А.П. Ермолова

Ф. Вендармини. Портрет
М.А. Милорадовича

удачам немало способствовало его несомненное превосходство, которого никогда не сносит окружающая посредственность, а частью Ермолову вредил много его злой и как бритва острый язык, которым крутой генерал беспощадно казнил смешные и слабые стороны своих недоброжелателей.

Алексей Петрович Ермолов родился в Москве 24 мая 1777 года.

Отец его был небогатый помещик Орловской губернии, где и служил, между прочим, председателем гражданской палаты, а в последние годы царствования императрицы Екатерины II управлял канцелярией графа Самойлова.

Мать Алексея Петровича, Мария Денисовна Давыдова, родная тетка известного партизана и поэта Давыдова, была в первом браке за Каховским, и от этого брака у нее был сын Александр. Оба ее сына как бы с самым материнским молоком всосали способность не мириться ни с чем низменным по натуре. Мать Алексея Петровича, по выражению одного близкого ее знакомого, «до глубокой старости была бичом всех гордецов, взяточников, пролазов и дураков всякого рода, занимавших почетные места в служебном мире».

Первоначальным учителем А.П. Ермолова был их же крепостной дворовый человек, по имени Алексей, который по букварю и с знаменитою указкою учил грамоте будущего великого полководца.

Отец Ермолова был слишком занят службою, чтобы заниматься сыном; сведущего учителя, которые были тогда и редки и дороги, он не мог ему нанять по недостатку средств, а потому и поместил

его сначала в семейство своего родственника, орловского же помещика Щербинина, а потом в дом Левона. Отеческие же заботы о воспитании сына ограничивались тем, что он с малолетства твердил ему о необходимости усердной и ревностной службы.

Неопределенность положения Алексея Петровича Ермолова в семье его родственников заставила отца его отправить сына в Москву, в Университетский благородный пансион, где он и был сдан на руки профессору Ивану Андреевичу Гейму.

Образование, стоявшее в то время вообще на низкой ступени, в последние годы царствования Екатерины

приняло еще более ложное направление от нашествия в Россию иностранцев, и в особенности французов. Из всех тогдашних преподавателей не много таких, которых нельзя было, по всей справедливости, назвать шар наганами или невеждами.

«Бедное состояние семьи моей, — говаривал Ермолов, — не допустило дать мне нужное образование. Вознаградить впоследствии недостатка знаний не было времени». (Хотя, добавим от себя, Алексей Петрович Ермолов читал очень много и обладал начитанностью довольно замечательною.)

«Шарлатаны, — говаривал он также, — учили взрослых, выдавая себя за жрецов мистических таинств; невежды учили детей, и все достигали цели, то есть скоро добывали деньги. Между учителями были такие, которые, стоя перед картою Европы, говорили: Paris, capitale de la France cherchez, mes enfants! — потому что сам наставник не сумел бы сразу ткнуть пальцем в свой Париж».

Когда по окончании курса учения пятнадцатилетний Ермолов явился в Петербург в чине сержанта Преображенского полка, то, поступив на действительную службу, он по недостатку денег не в силах был тянуться за прочими гвардейскими офицерами, державшими и экипажи и огромное число прислуги, а потому стал искать для себя другого рода службы. 1 января 1791 года Ермолов был выпущен капитаном в Нижегородский драгунский полк, слава ко-

И.Б. Ламти Старший.

Портрет генерала

А.Н. Самойлова

¹ Париж, столица Франции... ищите, дети мои! (фр.)

*И. Барду. Портрет матери
Ермолова, М.Д. Давыдовой*

того в последствии гремела на Кавказе в течение целого полу столетия. Ермолов тотчас же отправился в Молдавию, где стоял тогда этот полк. Командиром полка в то время был двадцатилетний племянник шефа полка, графа Самойлова, Н.Н. Раевский, представившийся впоследствии в войну 1812 года.

В бытность свою в этом полку Алексей Петрович познакомился несколько с артиллериею. При полке находились полковые пушки, имевшие, как у дяди юного Гамлета, одно специальное назначение — стрелять «в знак осушения бокалов». Раевский возымел мысль дать им более целесо-

образное назначение: он переделал лафеты и переменял расчет при-слуги. За всем этим Ермолов тщательно следил и приспособлялся, но едва только он стал привыкать к фронтовой службе, как вдруг был вызван опять в Петербург по случаю назначения его адъютан-том к графу Самойлову.

В Петербурге молодой и красивый адъютант встретил радушный прием. Наружность Алексея Петровича, прекрасная, одухотворенная, внушительная и до самых преклонных дней его старости удерживавшая на себе внимание мужчин и женщин, тогда, в пору его расцвета, привлекала на него всеобщее внимание: он был высокого роста и отличался необыкновенной физической силою и крепким здоровьем. Его большая голова, с лежащими в красивом беспорядке волосами, маленькие, но пронизательные и быстрые глаза делали его похожим на льва. Взгляд его, в особенности во время гнева, был просто страшен: из глаз его буквально сверкали молнии. Горцы говорили впоследствии о Ермолове: «Горы дрожат от его гнева, а взор его поражает на месте, как молния».

Как человек домашний у графа Самойлова, Алексей Петрович был членом высшего петербургского общества и каждое утро слы-хивал самые откровенные и бесцеремонные отзывы, как нынче го-ворят, «высокопоставленных лиц», которые по вечерам наполняли зал у Самойлова и которых там, словно всерьез, просили «принять дань якобы подобающего им глубочайшего почтения». Шестнадца-тилетний юноша присматривался не только к тем, которых осмеи-

вали заочно, но и к тем, кто осмеивал их, и по врожденной ему проницательности угадывал все нравственное ничтожество среды, в которой вращался. Прошло очень немного времени, и Алексей Петрович стал открыто относиться к этим людям с едким сарказмом, иронией и насмешками, что, разумеется, очень скоро наплодило ему врагов. Алексей Петрович Ермолов терпеть не мог немцев и, по-видимому, беззлобно, но непереносно проходил на их счет, где только к тому представлялся хоть малейший повод.

Д. Доу. Портрет
А.П. Ермолова

Остроты, которыми Алексей Петрович осыпал немцев, переходили из уст в уста и, конечно, многим не нравились, а «немец немцу, по пословице, всюду весть подавал», и покойный Ермолов под старость не раз говорил шутя: «Нет, господа русские, если хотите чего-нибудь достичь, то наперед всего проситесь в немцы».

Ермолов не мог увлечься светскою жизнью; он беспрестанно занимался военными науками и настойчиво просил графа Самойлова зачислить его в артиллерию, что наконец и было исполнено.

Восстание в Польше оторвало Алексея Петровича от его научных занятий: он участвовал в этой кампании и получил орден Святого Георгия за штурм Праги.

В следующем году он был отправлен за границу, в Италию, где, будучи прикомандирован к главной квартире австрийского главнокомандующего, участвовал в войне австрийцев с французами. Едва только он успел вернуться в Россию, как в 1796 году принял участие в новом походе Персидском, под предводительством графа Валерьяна Зубова.

Начавши службу так удачно, Алексей Петрович с шестнадцати лет приобрел самостоятельность и репутацию, которые сулили ему блестящую будущность. Но судьба неожиданно подставила ему ногу.

Смоленский губернатор сделал донос на Каховского, брата Алексея Петровича по матери. Тот был взят по этому доносу под арест, а вместе с ним был арестован и Ермолов: его взяли и отвезли в Калугу.

МОЛОДЫЕ ГОДЫ

Не имея притязания писать биографию Алексея Петровича Ермолова, я намерен в предлагаемой статье представить обозрение его жизни собственными его словами, из записок, рассказов, писем от него и к нему, приказов, распоряжений и тому подобных источников, которые удалось мне собрать или записать. Смею надеяться, что читатели по этим подлинным документам составят себе довольно ясное понятие о знаменитом деятеле нашего времени, который под Витебском, Бородином и Кульмом и, наконец, в продолжение десятилетнего управления Кавказом стяжал себе бессмертную славу в летописях русской истории. Начало записано мною со слов самого Алексея Петровича, с присоединением нескольких обстоятельств, записанных г. Степановым¹. Продолжение заимствовано из собственных записок Алексея Петровича, с присоединением рассказов Дениса Васильевича Давыдова, писем, напечатанных в «Чтениях Исторического общества», и некоторых отдельных замечаний, которые случилось мне слышать как от самого Алексея Петровича, так и от близких ему людей.

Для предварительного знакомства читателей с личностью Ермолова я предложу некоторые общие черты из его изображения, написанного знаменитым нашим партизаном-поэтом Д.В. Давыдовым: «Обнаружив с самого юного возраста замечательные способности, Ермолов приобрел впоследствии все качества отличного воина. Он представляет редкое сочетание высокого мужества и энергии с большою проницательностью, неутомимою деятельностью и непоколебимым бескорыстием; замечательный дар слова, гигантская память и неимоверное упрямство составляют также отличительные его свойства».

Будучи одарен необыкновенною физическою силой и крепким здоровьем, при замечательном росте, Ермолов имеет голову, которая,

¹ Они отмечены буквой «С».

будучи украшена седыми, в беспорядке лежащими волосами и вооружена небольшими, но пронзительными и быстрыми глазами, невольно напоминает голову льва. Ермолов, будучи весьма смел со старшими, явно выказывал, подобно князю Багратиону, малое сочувствие свое к немецкой партии, во главе которой находились Барклай, Витгенштейн и многие другие.

Так, например, в начале Отечественной войны он отзывался следующим образом о штабе Барклая: «Здесь все немцы, один русский, да и тот безродный»; в то время служил тут чиновник Безродный¹. Одаренный характером твердым и самостоятельным, он был всегда замечателен по отменной приветливости и общительности со своими подчиненными, сердцами которых он вполне владел. Находясь еще в чине полковника, его обращение относительно некоторых генералов было таково, что они говорили: «Когда-то его произведут в генералы? Он тогда, конечно, перестанет выказывать такое к нам пренебрежение».

Отличаясь всегда примерною скромностью, он не только не старался возвышать заслуг своих порицанием действий своих подчиненных, но, напротив, изыскивал все способы, чтобы представить в настоящем свете действия их; они всегда находили в нем самого ревностного, смелого и правдивого защитника своих прав. Я, кроме случаев, приведенных мною в моих записках, мог бы еще упомянуть о многих других, в коих многие лица нашей армии имели в Ермолове самого неустрашимого ходатая, нередко высказывавшего своим начальникам весьма сильные и не совсем для них приятные истины. Не дозволяя себе никогда малейшей дерзости или невнимания

Д. Доу. Портрет
П.И. Багратиона

¹ Он умер сенатором и действительным тайным советником. У меня записаны еще два анекдота в этом роде. У Ермолова спросили однажды, какой милости он желает? «Пусть пожалуют меня в немцы», — отвечал Ермолов, и объяснял свой ответ тем, что немцем он может получить все уже сам. В другой раз, войдя в залу перед внутренними покоями императора Александра, где ждало много военных, он вдруг без всякого повода обратился к ним с вопросом: «Позвольте узнать, господа, говорит ли кто из вас по-русски?» Не нужно припоминать, что в то время был сильный антагонизм между русскими и немцами, теперь, к общему удовольствию, не существующий.

1812 ГОД. ДНЕВНИК А.П. ЕРМОЛОВА О НАЧАЛЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Эта часть нашей статьи состоит из отрывков собственных записок Ермолова, полученных мною от графа Арсения Андреевича Закревского, из рассказов Д.В. Давыдова, из писем князя Багратиона, Платова и пр., помещенных в чтениях Общества истории и древностей, из собственных отметок и замечаний, полученных от других свидетелей. Читатели, даже и не военные, найдут здесь много сведений, неизвестных, кажется, по описаниям Отечественной войны.

Настал 1812 год! Год, памятный каждому россиянину, тяжкий несчастьями, знаменитый блистательною славой в роды родов.

В начале года выступила гвардия из Петербурга, и я вышел марта 5-го числа. В городе Опочке получено назначение меня дивизионным гвардии начальником. Долго не решаюсь я верить чудесному обороту положения моего. К чему, однако же, не приучает счастье?.. Дивизионным командиром прихожу я с гвардией на маневры в Вильну. Кто не хвалит гвардии и как не хвалить ее по справедливости?.. И после короткого в Вильне пребывания возвращаюсь в Свенцяны, дивизионную квартиру гвардии... Чрез два дня приезжает государь в Свенцяны... Молва, самых вихрей быстрейшая, несколькими часами прежде разгласила о переходе французов чрез Неман 12 июня.

Первой западной армии, сильнейшей числом войск, начальство поручено было генералу от инфантерии Барклаю де Толли, военному министру, коего главная квартира была в Вильне.

Вторая западная армия состояла в команде генерала от инфантерии князя Багратиона, и главная его квартира была в Пружинах.

...Единственное к соединению войск наших средство было отступление.

Наконец вошли мы в знаменитый лагерь (при Дриссе).

I

«На марше, 3 июля.

Я вам скажу, любезный мой тёска, что я бы давно с вами соединился, если б оставили меня в покое. Вам неизвестно, какие я имел предписания от М***.

Я расчел марши мои так, что 23 июня главная моя квартира должна была быть в Минске, авангард далее, а партии уже около Свенцяи. Но меня повернули на Новогрудек и велели идти или на Белицу, или на Николаев, перейти Неман и тянуться к Вилейке, к Сморгони, для соединения. Я и пошел, хотя и написал, что невозможно, ибо там три корпуса уже были на дороге к Минску и места непроходимые. Перешел в Николаеве Неман. Насилу спасся Платов, а мне пробиваться невозможно было, ибо в Воложине и в Вишневе была уже главная квартира Даву, и я рисковал все потерять и обозы. Я принужден назад бежать на минскую дорогу, но он успел и ее захватить. Потом начал показываться король Вестфальский с Понятовским; перешли в Белицу и пошли на Новогрудек. Вот и пошла потеха! Куда ни сунусь, везде неприятель. Получил известие, что Минск занят и пошла сильная колонна на Борисов и по дороге Бобруйска. Я дал все способы и наставления Игнатьеву и начал сам спешить, но на хвост мой начал нападать король Вестфальский. Вдруг получаю рапорт Игнатьева, что неприятель приблизился к Свислочу, от Бобруйска в 40 верстах, тогда когда я был еще в Слуцке и все в драке. Что делать? Сзади неприятель, сбоку неприятель, и вчера получил известие, что и Минск занят. Я никакой здесь позиции не имею, кроме болот, лесов, гребли и пески. Надобно мне выдраться, но Могилев в опасности, и мне надобно бежать. Куда? В Смоленск, дабы прикрыть Россию несчастную. И кем? Господином Фулем. Я имею войска до 45 тысяч. Правда, пойду смело на 50 тысяч и более, но тогда, когда бы я был свободен, а как теперь, и на 10 тысяч не могу. Что день опоздаю, то я окружен.

Спас Дорохова; деташемент и Платов примкнул!

Как ретироваться из Свенцяи в Дриссу? Бойтесь Бога, стыдитесь. Россию жалко! Войско их шапками бы закидало. Писал я, слезно просил: наступайте, я помогу. Нет! Куда вы бежите? Ей-богу, неприятель места не найдет, куда ретироваться. Они боятся нас, войско ропщет, и все недовольны. У вас зад был чист и фланги. Зачем побежали? Надобно наступать; у вас 100 тысяч. А я бы тогда помог. А то вы побежали, где я вас найду. Нет, мой милый, я служил моему природному государю, а не Бонапарте. Уже истинно, еле дышу от досады, огорчения и смущения. Я, ежели выдержусь отсюда, тогда ни за что не останусь командовать армией и служить. Стыдно носить

мундир. Ей-богу, болен! А ежели наступать будете с первою армией, тогда я здоров. А то что за дурак? Министр сам бежит, а мне приказывает всю Россию защищать и бить фланг и тыл какой-то неприятельский. Если б он был здесь, ног бы своих не выдрал, а я выйду с честью и буду ходить в сюртуке... Ох жаль, больно жаль Россию! Я со слезами пишу. Прощай, я уже не я, уже не слуга; выведу войска на Могилев и баста! Признаюсь, мне все омерзело, так что с ума схожу. Несмотря ни на что, ради бога ступайте и наступайте!

Ей-богу, оживим войска и шапками их закидаем. Иначе будет революция».

II

«Насилу выпутался из аду. Дураки меня выпустили. Теперь побегу к Могилеву, авось их в клещи поставлю. Платов к вам бежит. Ради Бога, не осрамитесь, наступайте, а то, право, худо и стыдно мундир носить, право скину его. Они революцию делают в Несвиже; хотели в Гродно начать, но не удалось; в Вильне тож хотели, и в Минске. Им все удастся, если мы трусов трусим. Мне одному их бить невозможно, ибо кругом был окружен и все бы потерял. Ежели хотят, чтоб я был жертвою, пусть дадут именное повеление драться до последней капли. Вот и стану.

Армия была прекрасная; все устало, истощилось. Не шутка 10 дней, все по пескам, в жары на марше, лошади артиллерийские и полковые стали и кругом неприятель. И везде бью. Ежели вперед не пойдете, я не понимаю ваших мудрых маневров. Мой маневр — искать и бить! Вот одна тактическая дислокация, какие бы следствия принесла нам. А ежели бы стояли вкупе, того бы не было! Сначала не должно было вам бежать из Вильны тотчас, а мне бы приказать спешить к вам, тогда бы иначе! А то побежали и бежите, и все ко мне обратилось! Теперь я спас все, и пойду только с тем, чтоб и вы шли. Иначе пришлите командовать другого, а я не понимаю ничего, ибо я не учен и глуп... Жаль мне смотреть на войско и на всех на наших. В России мы хуже австрийцев и пруссаков стали.

Прощай, любезный! Христос с вами! Я всегда ваш верный, Багратион. 7-го дня июля».

В ночи на третьи сутки (в Витебске) главнокомандующий согласился послать корпус пехоты и несколько кавалерийских полков навстречу неприятелю по левому берегу Двины. Я предложил генерал-лейтенанта графа Остермана, блистательную репутацию в

1813—1815. ОКОНЧАНИЕ ВОЙНЫ. БИТВА ПРИ КУЛЬМЕ И ПОКОРЕНИЕ ПАРИЖА

Начало этой статьи состоит из рассказов Д.В. Давыдова, с дополнением из моих отметок, и нескольких подлинных писем; продолжение, относящееся к Кавказу, составляют подлинные письма, приказы, донесения, рескрипты, расположенные в хронологическом порядке, с дополнением из разных замечаний и рассказов.

Д.В. Давыдов начинает описание действий Ермолова в кампанию 1813 года со сражения при Люцене.

«Граф Витгенштейн, не отличающийся большими способностями, потерпел здесь поражение; он приписал, как известно, свою неудачу недостатку зарядов в артиллерии. Это несправедливое обвинение, повторенное позднее нашими военными историками, опровергается следующим: во-первых, положительно известно из достоверных источников, кои некоторые наши военные историки не хотели принять во внимание, что Ермоловым, бывшим начальником артиллерии всех армий, было приготовлено зарядов несравненно более, чем было их выпущено в Бородинском сражении; а во-вторых, парки, наполненные зарядами, оставаясь нетронутыми в течение боя, находились во все время лишь в 6 верстах от поля сражения¹.

Ермолов, лишившийся вследствие этого вполне недобросовестного обвинения места, был заменен мужественным, деятельным и остроумным князем Яшвилем (бывшим начальником артиллерии Полоцкого корпуса, к которому особенно благоволил Витгенштейн), который, будучи старше его в чине, находился, однако, под его начальством в этом сражении. Ермолову было, кроме того, приказано главнокомандующим доложить нашему государю и королю Прусскому о неблагоприятном походе этого сражения; таким образом Витген-

¹ Все мною здесь сказанное основано на документах, хранящихся в артиллерийских архивах. (Д.)

1815. ДНЕВНИК А.П. ЕРМОЛОВА. НАЗНАЧЕНИЕ В ГРУЗИЮ И ПОСОЛЬСТВО В ПЕРСИЮ¹

«4 апреля 1815 г. Покинул Краков вместе с графом Воронцовым. Краков для него бесценен воспоминаниями и для некоторых других, адъютанта Граббе, генерал-майора Полторацкого.

5. Перешел границу. Австрийцы дурно доставляли провиант и проч. Многие войска должны были останавливаться. Ермолов настаивал на противоположном и у австрийцев, и у своего государя, и, несмотря на 30 тысяч войск, бывших у него, он следовал ускоренным маршем. (С.)

20. Трудный переход чрез гору Шенгенгет.

26. Прага. Начальник города фельдмаршал Коловрат; приехали фельдмаршал Барклай де Толли и генерал-адъютант Закревский.

5 мая. Австрийский генерал барон Роткирх с восхищением расстался с Ермоловым, потому что Ермолов простосердечно рассуждал об Гофкригсрате². (С.)

Ермолов австрийским комиссарам давал похвальные листы, и они были в восторге. (С.)

¹ Местами сокращенный г-ном С. Такие сокращенные места поставлены в скобках.

² Гофкригсрат (нем. Hofkriegsrat) — придворный военный совет Священной Римской империи германской нации, а затем Австрийской империи, заседавший в Вене с 1556 по 1848 г. В ведении Гофкригсрата, названного так в 1564 г., находились все вопросы, связанные с организацией военного дела в мирное время и ведением войны. В 1565 г. был создан параллельный совет в Граце, отвечавший за оборону самой Австрии и организацию пограничной службы, это разделение было ликвидировано при Марии-Терезии. Все реформы австрийских императоров, начиная с первой половины XVII в. и кончая правлением Иосифа II, были направлены на дальнейшую централизацию всего управления военным делом в Гофкригсрате.

Нюрнберг. Ничего в Германии не видал еще я скучнее Нюрнберга. Редко два или три человека встречаешь в бесконечных его улицах; город кажется опустошенным моровою язвой. Любопытно было наблюдать забавы жителей. В собраниях их не менее важности, как в заседаниях инквизиции; многих лица не веселее приговоренных к смерти. Я думал отдохнуть за городом, но окрестности неносные, пески как в степях Ливийских.

Услужливый садовник моего ласкового хозяина сделал полезное употребление: из задней двери сада являлись красавицы за цветами, которых, конечно, никогда не продавал он выгоднее.

У Ермолова новый начальник граф Ланжерон. (С.)

Князю Мадатову поют стихи, как победителю, хотя еще мы не сделали выстрела и даже не знаем, как далеко неприятель по ту сторону Рейна.

7 июня. В Некер-Гемюнде. Ермолов виделся с Государем, который осыпал его ласками. (С.)

8 июня. Первый переход войск Ермолова через Рейн, в Мангейме. (С.)

Гейдельберг. Возвратился генерал-лейтенант Толь из армии фельдмаршала Блюхера с известием, что Наполеон атаковал его, не собравшегося в полных силах, приобрел большие над ним успехи и, разбив два его корпуса, их преследует. Пруссак потеряли более 30 орудий.

Известие сие произвело сильное действие на австрийцев, которые уже не спешили переходить Рейн, вероятно выжидая последствий сражения. Прискакал баварский фельдмаршал князь Вреде, прося подкрепить войска его, расположенные за Рейном. И меня даже осыпал он приветствиями, как первого из русских, переходящего за Рейн. Каких не выслушал я похвал!

9 июня. Приехал курьер с известием о победе Веллингтона и Блюхера и совершенном разбитии Наполеона. (С.)

15. Франкфурт. Проходила гвардия короля Прусского, которую он осматривал. Я командовал ею при взятии в прошедшем году Парижа. Офицеры и солдаты увидели меня с удовольствием. Каждый взвод, прошедши короля, так громко меня приветствовал, что я должен был отойти далее, чтобы король не слышал того. Я не замечал в нем ко мне благоволения.

**ДНЕВНИК А.П. ЕРМОЛОВА (1818—1826).
ПРОДОЛЖЕНИЕ КОМАНДОВАНИЯ В ГРУЗИИ
ДО КОНЧИНЫ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА
(В ИЗВЛЕЧЕНИИ Г-НА С.)**

«1818, 5 апреля. Казбек. В октябре месяце обрушился с гор Кавказских снеговой обвал, какого не помнят старики. Сначала высота его была в 50 саж. Почти на сутки остановлено было течение реки Терека.

8 мая. Темнолесская крепость. Осматривал единственный казенный лес, истребленный попечением обер-форстмейстеров.

18. Червленная станица. Сделаны приготовления к движению. Составлен отряд из 2 батальонов 8-го егерского полка (по большей части из рекрут), 2 батальонов 16-го егерского полка, 1 батальона Троицкого и 1 батальона Кабардинского пехотного полков, из 6 батарей 8 легких и 6 конных орудий и 400 линейных и донских казаков. Число войск, по-здешнему, непреодолимое! Лагерь на Сушке. Заложена крепость, которая названа Грозною. Беспрестанные стычки с чеченцами.

Октябрь. Получен рапорт генерал-майора Пестеля о занятии города Башлы в Каракайтакской области. Глупое соображение! Слабый отряд среди многолюдного города, жителей неблагонамеренных, в местоположении самом невыгодном.

6. Прохладная, селение. Собраны владельцы и уздени кабардинские, которым сделал я строгое замечание за гнусные и подлые их поступки и разбои. Они дали мне обещание быть лучшими, и я знал, сколько верить должно подобным обещанием. Доселе все данные ими присяги нарушены.

Генерал-лейтенант шамхал Тарковский был все время донельзя верен данной присяге. От 13 октября он извещал, что владения его возмутились и соединились с горцами, что сам он в опасности и должен был удалиться и что большие силы обратились против генерал-майора Пестеля».

ПОКОРЕНИЕ ЧЕЧНИ ДНЕВНИК А.П. ЕРМОЛОВА (1826—1827)

«1826, январь. Крепость Грозная. (Было несколько горячих перестрелок с чеченцами.) Со мною случилось смешное происшествие: квартира моя была на самом конце селения, и, когда начали пули достигать оной, повар мой отказался готовить обед, говоря, что он не создан быть на пулях чеченских. Кажется, он желал заставить думать, что он менее гнушается пули народа просвещеннейшего!

28. В Малой Атаге на правом берегу Аргуни замечены большие огни, слышны были выстрелы и крик в ознаменование радости о прибытии на помощь соседей, и тогда же стало известно от лазутчиков, что пришли чеченцы, по р. Мячику живущие, и несколько лезгин.

Послан отряд истребить селение Чахкири, где собирался неприятель и имел покойное пристанище.

Пред рассветом приблизились войска к селению, но были примечены караулами, и потому, не теряя времени, после нескольких выстрелов из пушек, один батальон бросился в селение, из коего испуганный неприятель спасся бегством. Превратив в пепел селение, батальон выступил беспрепятственно, но, когда на обратном пути войска были за версту от селения, разостлался по земле чрезвычайно густой туман, с коим соединился дым горящего селения, до того затмили свет, что ничего не возможно было различить в самом близком расстоянии.

В сие время приспел стоявший за Аргуном неприятель. Он не мог видеть число войск наших, равно как и его прибытие познано было по одному ужасному его крику. Конница его, проскакав стрелков, столкнулась с казаками, которые, ударив в шашки, ее опрокинули. Вскоре большие толпы атаковали нашу пехоту. Артиллерия действовала картечью не далее как в 50 шагах, так что были отрываемы оною члены, тела были раздираемы. Третье нападение было

В ОТСТАВКЕ (1827—1861)

Читатели помнят, может быть, о тетради, в которой я набросал очерк жизни Алексея Петровича по его рассказам и которую отдал ему для дополнений в пробелах. Ермолов начал вписывать в этой тетради и кое-что показывал мне, но куда она делась, по его кончине, я до сих пор не мог получить сведения.

Недавно я нашел у себя черновые заметки, из которых последнее, относящиеся к московской его жизни, оказались столько ясными, что я могу передать их в этой статье сполна: читатели не должны терять из виду, с какой целью набросан был первоначально мой очерк. За ними прилагаются известия других свидетелей, из разных лагерей.

...Не успела еще, судя по времени, дойти до Петербурга просьба Ермолова, как фельдъегерь привез ему увольнение, которое и вручил Дибич, можно вообразить, в каком смущении.

Горько было Ермолову удаляться с Кавказа, с поприща своих подвигов и побед, где он, в продолжение десяти лет, имея под начальством малое количество войска, смирил диких горцев, навел на них ужас, так что матери стращали его именем своих младенцев. Покорил целые области, утвердил русское владычество, построил крепости на всех важных пунктах, открытых его орлиным взором, образовал и приготовил Суворовское войско, готовое идти хоть в преисподнюю по гласу любимого начальника, и бросал русско-петровские взоры на Турцию, Персию, Бухару, Хиву, Индию... Горько было Ермолову. Но, верный подданный, он оставил жезл начальства без прекословия, в надежде, что сердце царево в руце Божией, подвигнется когда-нибудь с гнева на милость.

Что сказать о гражданских его заслугах в Грузии? Он утвердил безопасность жителей, водворил порядок, привлек поселенцев, возбудил промышленность, открыл новые источники доходов для правительства.

Деятельность его была неимоверная: в одно время он и сражался, и строил, и распоряжался, награждал и наказывал, заводил, поверял, свидетельствовал. Спал он по четыре и пять часов в день, на простом войлоке, где случалось. Так провел он десять лет, всегда преданный службе, не зная семейных наслаждений, не пользуясь обществом, никакими удобствами, с единою мыслью об общей пользе, о славе и могуществе России.

После увольнения (1827 г.) месяц прожил он еще в Тифлисе, приводя в порядок свои дела. Дибич, который высоко ценил Ермолова и отдавал полную справедливость его первоклассным способностям и вообще его управлению, советовал Алексею Петровичу оставить скорее Тифлис, ставя на вид, что Паскевич может сделать ему неприятности.

Ермолов выехал из Тифлиса в простой кибитке, в которой и приехал туда за десять лет, с тройным жалованьем в кармане, с глубокою раню в сердце.

Жить он расположился близ Орла, в родовой деревушке, у престарелого отца. Отец чрез год переселился в монастырь, где вскоре и скончался.

Жалованье Ермолова было обращено в пенсию — по 14 тыс. руб. ассигнациями. Вот все, что он имел. Никаких денежных наград он не принимал никогда. Однажды император Александр предложил ему богатую аренду. Ермолов отказался, сказав, что на малые его нужды достанет ему жалованья.

Графиня А.А. Орлова, услышав о таком скудном содержании заслуженного генерала, сказала у себя за столом, что она почла бы себя счастливою, если б Алексею Петровичу угодно было взять в свое распоряжение ее подмосковное имение — Остров (за которое она получила после больше миллиона). Тогда государь велел обратить столовые деньги также в пенсию Ермолову, и он начал получать по 30 тыс. руб. ассигнациями ежегодно, которые и сделались, сберегаемые, основанием состояния, оставленного им детям.

В деревне обратился он к обыкновенным своим занятиям — читал книги о военном искусстве, и в особенности о любимом своем полководце Наполеоне. Утомительно долго тянулось для него время в тишине, в бездействии, среди полей и огородов, лесов и пустынь. А между тем Паскевич пошел вперед, взял Эривань, Тавриз, Ахалцых, проникнул далеко в Персию. А между тем Дибич вскоре перешел Балканы, занял Адрианополь. Что происходило в то время на душе Ермолова, то знает только он, то знал Суворов, в Корбине читая итальянские газеты о победах молодого Бонапарте, то

где находятся приделы всех христианских наций, окна были заложены, и таким образом служба постоянно происходила только при свете лампад. Кругом же храма, тесным рядом были расположены городские отхожие места: едкое зловоние распространялось как вне, так и внутри храма храмов. Ибрагим-паша, несмотря на свое мусульманство, при первом же посещении храма велел разом уничтожить все эти мерзости.

Нечто об Алексее Петровиче Ермолове¹

Ермолов поступил в службу при Екатерине II, находился в Персидской кампании, под предводительством Валериана Александровича Зубова, в отряде Сергея Алексеевича Булгакова — капитаном артиллерии.

При Екатерине малолетние дворяне записывались в гвардию, из гвардии переводились, или, по тогдашнему сказать, выпускались в армию капитанами, а потому легко было молодому дворянину получить капитанский чин.

Когда Бакунина командировали с батальоном в горы, Алексей Петрович просился в этот батальон; Булгаков ему отвечал: «Погоди, Алексей Петрович, тебе еще будет время».

Действительно, слова Сергея Алексеевича сбылись. Провидение сохранило Алексея Петровича. Батальон Бакунина весь был в горах окружен и вырезан лезгинами.

Вступление на престол императора Павла не было благоприятно Алексею Петровичу: он был арестован и содержался в Петропавловской крепости. С воцарением Александра I все заключенные были освобождены, в том числе и Алексей Петрович. При выходе из каземата он написал над дверями: «Сей дом от постоя освобожден». Доложили государю. Император Александр велел надписать: «Навсегда».

Когда Кутузов ретировался от Наполеона и под Кремсом, при переправе через Дунай, разбил отдельный корпус французов, то в этом деле в первый раз отличился Алексей Петрович, командуя артиллерийскою ротой; затем последовало Аустерлицкое сражение, в реляции о котором не упоминается имя Алексея Петровича. Известно только, что впоследствии, когда граф Аракчеев осматривал его роту и делал выговор Алексею Петровичу, что лошади у него

¹ Статья, полученная от неизвестного. Автор говорит: «В «Московских ведомостях» 1863 года г. Погодин изъявил желание, чтоб ему сообщали, кто что знает об Алексее Петровиче Ермолове. Вот что я слышал и читал об этом. Может быть, из всего здесь набросанного что-нибудь пригодится».

худы, на замечание Аракчеева Ермолов отвечал: «По службе наша участь, ваше сиятельство, часто зависит от скотов».

После такового ответа немудрено, что некоторое время граф не благоволил к Алексею Петровичу, но потом, вероятно уже после войны двенадцатого года, когда они встретились во дворце, у лестницы, уставленной лавровыми деревьями, граф сказал: «Ступай-те вперед, вам, а не мне, следует восходить между лаврами на высоту».

В одно время, когда преследовали французов, фельдмаршал, окруженный своим штабом, смотрел на войска; в это время мимо его пронесся Алексей Петрович на своем боевом коне. Тогда Кутузов, обратясь к окружающим его и указывая на Ермолова, сказал: «Еще этому орлу я полету не даю».

Когда русские и прусские войска под Бауценом были разбиты, тогда Ермолов, присутствием своим, хотя не был главнокомандующим армией, умел остановить преследующих и чрез то дал возможность отступающим корпусам устроиться в надлежащий порядок.

В Париже, когда русские, вместе с торжествующими союзниками, принялись веселиться и проматывать выданное им в то время жалованье, Алексей Петрович умел воспользоваться случаем для приобретения всего для себя нужного; посещал библиотеки, архивы, музеи — одним словом, для себя и своего отечества умел употребить и отдых в пользу.

Говоря об умственных трудах Алексея Петровича в Париже, кстати упомяну об изданной им книге под названием «Размышляющий человек», которая даже находилась в моей библиотеке, но теперь у меня не под руками. Хотя она и без имени автора, но все в то время утверждали, что ее написал Алексей Петрович. Второе его произведение, известное мне, есть его описание путешествия в Персию, куда он был послан. Вероятно, есть и другие произведения его пера, в которых скромный автор не хотел означить своего имени. Знаю также, что в последние годы Алексей Петрович деятельно занимался описанием своей жизни или чего-то другого.

Война с французами кончилась. Алексей Петрович был назначен главнокомандующим в Грузию, наместо Ртищева. О военных его подвигах говорить нечего: об них знает вся Россия; но нельзя не упомянуть о Кази-Мулле, распространителе, в горах во всей Чечне, ложного учения, вывезенного им из Бухарии, произведшем ужаснейший фанатизм во всем Дагестане и отличавшемся особенно ненавистью к русским и вообще к христианам. Алексей Пе-

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	7
Молодые годы	18
1812 год. Дневник А.П. Ермолова о начале Отечественной войны	83
Реляция о сражении 7 августа при селении Заболотье	109
1813—1815. Окончание войны. Битва при Кульме и покорение Парижа	174
1815. Дневник А.П. Ермолова. Назначение в Грузию и посольство в Персию	187
Дневник А.П. Ермолова (1818—1826). Продолжение командования в Грузии до кончины императора Александра (в извлечении г-на С.) ...	230
Перечень некоторых происшествий на Кавказе и в Грузии в дополнение к дневнику А.П. Ермолова	250
Выписки из биографии князя Мадатова	251
Документы и письма А.П. Ермолова. Приложение к дневнику	262
Покорение Чечни. Дневник А.П. Ермолова (1826—1827)	327
Действия князя Мадатова в начале Персидской войны, по предписаниям А.П. Ермолова	342
Документы и письма А.П. Ермолова. Приложение к дневнику	347
В отставке (1827—1861)	372

ПРИЛОЖЕНИЯ

<i>Ад. П. Берже. Посольство А.П. Ермолова в Персию.</i>	429
<i>Денис Давыдов. Анекдоты о разных лицах, преимущественно об А.П. Ермолове</i>	492

Конец ознакомительного фрагмента

Уважаемый читатель!

**Размещение полного текста данного
произведения невозможно в связи с ограничениями
по IV части ГР РФ.**

**Эту книгу вы можете почитать в Оренбургской
областной универсальной научной библиотеке
им. Н. К. Крупской по адресу: г. Оренбург,
ул. Советская, 20; тел. для справок: (3532) 60-61-28**